

Вопросы теории

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ВОЙНА В НАШИ ДНИ

Ю.Д. Ильин*

Если судить о положении нашей науки международного права по текущим публикациям, не может не охватывать чувство горечи, поскольку она, эта наука, как и в прошлом, подстраивается под текущую политическую конъюнктуру. Достаточно просто перечислить разрабатываемые темы: «общеевропейский дом»; «европейское правовое пространство»; «общечеловеческие ценности» — понятия, родившиеся в период Горбачева. К ним добавляются «общее правовое поле»; «позитивная правовая система»; «приоритет мирового сообщества в целом»; «наднациональность международного права»; «право народов»; «всемирное гражданство»; «гуманитарная интервенция»; «человеческое измерение» и многое другое на основе отказа от классового подхода при анализе как явлений внешней политики, так и международного права.

Получилась реализация нового варианта хорошо знакомой старой схемы: наука международного права в своей значительной части совершила поворот вслед политической конъюнктуре. Все это мы уже видели. Нужно было перейти от конфронтации с империализмом в 50-е годы к сосуществованию — пожалуйста; понадобилось вновь вернуться к конфронтации в период пика американской агрессии в ЮВА — мы тут как тут; наступило в середине 70-х время СБСЕ — опять ударили в литавры; возник Афганистан, невиданная гонка вооружений в первый срок президентства Рейгана — наша наука встает на путь тотального оправдания неразумной внешней политики; с Горбачевым приняла наша общая внешняя политика американофильскую направленность, возникли новые термины — наука тут же начала их оправдывать и ими жонглировать.

* Заведующий кафедрой международного права юридического института Московского государственного социального университета, кандидат юридических наук, профессор.

Характерно, что каждый из указанных политических поворотов (исключая, может быть, первый — к мирному сосуществованию) тащил за собой, как правило, неблагоприятные для нашей страны последствия, а последний оказался просто-таки катастрофическим. Казалось бы, можно и пора было бы сделать очевидные выводы: нельзя в целом здравую структуру принципов и норм международного права приспособлять к потребностям текущего дня. Нет, все продолжается по-прежнему и в новых условиях, хотя уже нет необходимости соответствовать утвержденной каким-то органом (будь то ЦК КПСС, Совмин, Президент, ООН, СБСЕ) линии.

Да, не вижу я общего правового поля с лавочником, который спекулирует рядом с моим домом. Мы в Москве не можем наладить это самое правовое поле, которое трещит под напором уголовщины, а мечтаем о поле в мировом масштабе, как в свое время мечтали классовые борцы о всемирной революции. Неужели не видно, что это все та же иллюзия? Какое там «общее правовое поле (пространство)», какой там «общеевропейский дом», в котором все трещит! Даже в Западной Европе пока о таком «доме» или «поле» говорить рано. Только слепой не видит сейчас, что интеграционные тенденции становятся центробежными, растет национализм. Да, в Европе есть и будет единое (в какой-то мере) экономическое пространство, но никогда (!) нации не сольются. Господь, как сказано в Библии, «в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями» (Деяния, 14—16). И ходят, тысячелетиями ходят, могут ассимилироваться с другим народом, исчезнуть, но пока они есть — идут своим путем. Мы у себя в СССР сделали попытку образовать единую общность — советский народ. Даже как бы преуспели. И что? Ничего хорошего из этого не получилось. Даже такой признанный архитектор европейских и иных «пространств» и «домов», как Шеварднадзе, признается в своем фиаско. Выступая 5 декабря 1994 г. в Будапеште на встрече глав государств и правительств стран — участниц СБСЕ, он говорил: «Выдвинутый лозунг общеевропейского пространства безопасности не нов — он был заявлен задолго до Парижской хартии и Хельсинкского документа «Вызов времени перемен», но утонул в волнах национального эгоизма, свекорыстных расчетов и нежелания платить по счетам времени. Теперь же мы пытаемся реанимировать его в условиях, когда сама идея общеевропейского дома едва ли не умирает, сгорая в огне многочисленных конфликтов и войн»¹. Горечь фиаско у Шеварднадзе нарастала, и в конце концов он даже не принял участия в юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1995 года, проявив, вполне справедливо, разочарование низкой эффективностью ООН в установлении справедливого миропорядка. Ничего не поделаешь: что посеял, то и пожал.

Так нужно ли нам и далее прекраснотушничать, уводя науку международного права в целом в сторону от действительно жизненных проблем мирового сообщества? Уводить от проблем — это значит ставить в центр внимания гипотетические вопросы, которые можно обсуждать десятилетиями без какого-либо движения вперед. И это, кстати, мы тоже проходили. Особенно в сфере обеспечения международной безопасности и разоружения. В начале 70-х годов мне, например, пришлось участвовать в разработке понятия агрессии. Против этого понятия американцы сражались тогда с пеной у рта, было сделано все, чтобы сорвать работу Специального комитета ООН. В финальной стадии в 1974 году определение было фактически согласовано и понятие агрессии, кстати весьма толковое, было принято. Оно могло бы сыграть позитивную роль в международной жизни, да только роль эта так и не удалась.

Дело в том, что тогда западники относились всерьез к создаваемым нормам международного права, будь то определение агрессии, Пакты о правах человека или ограничения в сфере вооружений. Они, да и мы, полагали, что нормы эти будут прямо воздействовать на поведение субъектов международного права. Но на каком-то этапе кто-то, видимо, подбросил Западу верную идею: раз не удалось отклонить принятие мировым сообществом невыгодных норм, то нужно этих норм наплодить столько, что они потеряют свое практическое значение. И не только в ООН, но и на других, региональных уровнях ежегодно стали принимать много документов, особенно по вопросам безопасности и разоружения. Выдвигалось большое количество инициатив, и в первую очередь с советской стороны. Практически получалось так, что правовые нормы стали обесцениваться, их реальное содержание выхолащивалось. Внешне казалось, что идет активная борьба за мир, но мир почему-то становился все более хрупким.

И естественным выводом из этой хрупкости была идея о том, что поскольку сами по себе нормы права мира не обеспечивают, то их необходимо подкреплять силой. В ход пошли известные авантюры сверхвеликих держав. Мы вторглись вооруженным путем в Афганистан, американцы — на Гренаду, в Панаму, Ливию, Ирак, Сомали, через НАТО — в Югославию, а затем и вообще присвоили себе право на вооруженное вмешательство в любом месте и в любое время. Причем ссылки на международное право стали в этих случаях просто убогими.

Раньше, даже при вводе наших войск в Афганистан, государства, упрекая друг друга в неправомерных, с их точки зрения, акциях, давали развернутую аргументацию нарушения таких-то конкретных принципов и норм международного права. А сейчас все очень про-

сто: делается общая ссылка на нарушение международного права, и непонятно, что за этим стоит.

А проблема очевидна: международное право из-за перегруженности тысячами норм лишилось конкретики. И разговор между государствами происходил по простонародной схеме: ты мне — про Фому, а я тебе — про Ерему; ты мне — об акте агрессии, а я тебе — о терроризме; я тебе — о геноциде, а ты мне — об угрозе безопасности. Получилось так, что в сопоставлении норм исчез приоритет между ними. Где же все-таки основные принципы и нормы, на которых должен покоиться мир? По здравой логике, они находятся в Уставе ООН, а все остальное, принятое в большом количестве в их развитие, — способ юридического осмысления и толкования уставных положений. Но фактически эти ценные положения засыпали «отработанным шлаком», ссылаться на них и использовать стали все реже.

Двигаемся дальше и получаем хаос еще больший. Раньше всегда считалось, и из этого исходит Устав ООН, что первостепенная обязанность государства — воздерживаться в международных отношениях от применения силы или угрозы силой, от актов агрессии. Но с легкой руки США внедрялась другая практика, очень далекая от сложившегося мирового правопорядка. На первый план стали выходить аргументы националистического толка: ущемили американские интересы на Гренаде или в Панаме — посылаются войска, совершается безусловный акт агрессии; не нравится, как складывается обстановка в Ливане, — и туда можно направить морскую пехоту; недоказанно обвиняется Ливия в терроризме — и по ней наносится ракетно-бомбовый удар. Но если такое поведение позволительно для «Юпитера», то почему бы не последовать за этим и «быку»: Ирак обвиняет Кувейт в подрывных экономических действиях и... вводит войска. Ну а почему бы нет? Американцам-то можно, «советам» в Афганистане — тоже, а почему Ираку нельзя? Нет, оказывается, что нельзя.

И опять в качестве аргумента следует сила. Но, подождите, у Ирака под боком Израиль. Он постоянно игнорировал резолюции ООН, силу использовал по своему произволу. И ему сходило и сходит с рук. Но почему Израилю можно, а Ираку нет?

И еще одно — с какой стати мировое сообщество, опять-таки вопреки международному праву, молчаливо согласилось с тем, что «голубые каски» миротворческих сил ООН носят солдаты регулярных частей вооруженных сил государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН? Так это же не войска ООН. Организация как таковая к ним отношения не имеет. Это узкий клуб великодержавных хищников в СБ ООН принимает угодные им решения и пробивает их своим же бронированным кулаком. Особо отчетли-

во это проявилось в многострадальной Югославии. НАТО там действовала якобы от имени мирового сообщества. Но было ли опрошено мнение этого сообщества? Ничего подобного. Западная группа СБ ООН, Генеральный секретарь ООН и НАТО (за спиной России) сговорились — и в ход пошли воздушные удары в Боснии и Герцеговине против сербов. При чем же тут международное право? Сговор группы государств, каким бы фиговым листком его ни прикрывать, не является законным с точки зрения согласования воли субъектов международного права.

У подавляющего числа этих субъектов никто ничего не спрашивает. Понадобилось послать войска западных стран в Сомали, приняли нужное решение в Совете Безопасности — и «голубые каски» ООН прибыли туда, чтобы установить нужный им порядок. И совсем не важно, что как человек я поддерживаю пользу подобной акции для спасения голодающих. Но ведь эта акция должна быть должным образом узаконена. Могут сказать, что как в Сомали, так и позже в Югославии законность действиям западных военных контингентов была придана решениями СБ ООН. Но остается вопрос: насколько законными были сами эти решения, насколько точно СБ ООН следовал духу и букве Устава ООН? В контексте данной статьи нет возможности даже вкратце исследовать правомерность действий СБ ООН, но нельзя не сослаться на самый авторитетный источник — Библию, в которой дается единственно верный рецепт оценки деятельности не только людей, но и организаций и государств. Там сказано: «По плодам их узнаете их» (Евангелие от Матфея, 7—16). Плоды СБ ООН в плане обеспечения мира, к сожалению, горьки.

Нынешняя практика искажает суть той организации, которая была весьма мудро создана в 1945 году для обеспечения международного мира: нарушен баланс интересов. Этот баланс был в определенной степени и в интересах группы развивающихся стран, которые если и не играли большой роли в Совете Безопасности, то участвовали в формировании миротворческого контингента Вооруженных сил ООН. Сейчас баланса любого рода в рамках ООН не существует. Есть только диктат США, и, как показала ситуация с Ираком, есть тенденция все больше игнорировать ООН. Показательно, что намерение нанести удары по Ираку и совсем недавно — по сербам не было даже согласовано с Россией — постоянным членом Совета Безопасности. Иными словами, налицо тенденция игнорировать ООН. А как же быть тогда с современным международным правом, основной несущей конструкцией которого остается Устав Объединенных Наций?

А так ли обстоит дело, является ли Устав ООН такой конструкцией? В теории — конечно. И так должно быть! Однако за послед-

ний десяток лет при попустительстве юристов-международников, которые, видимо, не желали остаться «старомодными», акцент в международной политике и в праве были существенно смещены. Речь все в большей степени шла об отношениях СССР — США, которые якобы определяли судьбы мира. Но они точно так же определяли эти судьбы и в 60-е, и в 70-е годы. Что же изменилось? Стало в несколько раз больше вооружений — но ведь это показатель количественный. И если сейчас стало возможным уничтожить жизнь на 80 таких планетах, как Земля, вместо 20 (в 70-е годы), то существо от этого не меняется. Суть — военно-стратегическая. А свяжите с ней политические, а с этим — и правовые оценки, то общая картина выглядит иначе.

Акцентируя, во многом искусственно, важность советско-американских отношений и роль Совета Безопасности во всей структуре ООН, мы усекаем, а затем и вовсе игнорируем тот мировой правопорядок, который базировался на Уставе ООН, на основных принципах международного публичного права. К тому же общественное сознание затуманили новыми проблемами, связанными с международным терроризмом, правами человека, экологией и прочим, о чем можно спорить, но вряд ли пока можно эффективно правовым образом регламентировать. Дело в том, что нет пока еще единого мнения о том, что такое международный терроризм. Скажем, экономические санкции, пусть даже прикрытые решением СБ ООН, от которых страдают миллионы неповинных людей, — терроризм или... благо? Здесь и решения СБ ООН не было и быть не могло, поскольку Россия была против. Плох любой терроризм, спору нет. Но он, достигнув, по сути, уровня военных действий, коренится в плохой обустроенности мирового сообщества, как и любая преступность обусловлена социальным состоянием общества. Международные проблемы экологии, решение которых суетливо происходит на различных форумах, заставляют вспомнить слова великого комбинатора, что не бороться за чистоту надо, а улицы подметать. Проблемы экологии пока еще ждут решения внутри государства, а не на мировом форуме.

О правах человека, или об их международной защите, как-то и говорить неудобно. Уж больно много чернил израсходовано в этой связи, а «воз» даже не там, где был, а откатывается назад.

И вот мы стали свидетелями того, что главная заповедь международного права — не убий, то есть ни под каким предлогом не применяй силу к ближнему (государству), была предана забвению. И уже идет речь о «гуманитарной интервенции» в случае попрания прав человека в той или иной стране. Ну а кто определяет факт попрания? Видимо, владельцы «общечеловеческих ценностей».

А как быть со второй заповедью международного права — невмешательством государств в дела друг друга? Или действуем по принципу: вмешиваться нельзя, но если очень хочется, то можно? И опять-таки: кто в чьи дела будет вмешиваться? Панама в дела США или наоборот? Ответ очевиден, поскольку ясно существует неравенство сторон. Но, простите, в международном праве все его субъекты суверенно равны. «Нет, это уже пройденный этап», — говорят некоторые западные юристы, и им вторят наши ученые. У В.С.Верещетина мы читаем: «По справедливому замечанию В.И.Евинтова, система международных отношений, отмеченная взаимным недоверием, гипертрофированным пониманием неограниченности суверенитета, односторонним толкованием эгоистично понимаемых интересов, исчерпала резервы своего развития»². Далее по тексту следует логичный для автора вывод: «Мы должны признать, что строительство нового миропорядка немыслимо без дальнейшего самоограничения государственного суверенитета и возрастания роли наднациональных институций»³.

Хотя сказанное и очевидно, но небольшие комментарии не будут излишни. Следуя за текстом, отметим, что взаимное недоверие государств друг к другу отнюдь не уменьшается. Скорее наоборот. Жила, скажем, Украина с Россией в гармоничном и вполне братском союзе. На русских и украинцев люди у нас никогда не делились. А сейчас? Разве взаимное недоверие себя исчерпало? Даже во вполне благополучном ЕС как было, так и сохраняется устойчивое недоверие немцев к итальянцам, а французов к немцам. Знаю не по слухам, сам это видел.

А исчерпал ли себя неограниченный суверенитет? В условиях, когда его постоянно нарушают (и не только США), такой вывод вряд ли можно сделать. Кроме того, недалекая еще от сегодняшнего дня история жизни Организации Варшавского договора (ОВД) показывает судьбу правопорядка, который основывался на доктрине ограниченного суверенитета. Может быть, кто-то скажет, что тогда суверенитет членов ОВД ограничивался по принуждению со стороны СССР. Ну а сейчас принуждать будут США. Это лучше? В жизни пока мы видим другое: государства цепляются как только могут за свой суверенитет и готовы хвататься за оружие, если им кажется, что кто-то на этот суверенитет посягает. При объективной тенденции к росту национализма вряд ли сейчас можно предвидеть что-то другое.

Или далее — «одностороннее толкование эгоистично понимаемых интересов». Странно было бы, если бы национальный интерес не был по заключению другого государства «эгоистичным» и толковался бы многосторонне. Как все это представить? Например, так: США заявили, что Ближний Восток — сфера их жизненных

интересов; а Ирак как член Ближневосточного региона с этим не согласен, считает, что это факт эгоистично понимаемых интересов США; так значит... (?) Правильно — налицо конфликтная ситуация, которая решается в соответствии с международно-правовой процедурой мирного разрешения споров. И ничто, получается, себя не исчерпало ни в международной политике, ни в международном праве, основой которого было и есть безусловное признание суверенного равенства государств. Правда, в упомянутой статье говорится еще о «строительстве нового миропорядка». Но он, если кому-то еще нужен, должен естественно исходить из старого миропорядка, а не из его развалин. А пока что мы видим лишь то, что упорно рушат старый миропорядок и даже предлагается возрастание роли наднациональных институций.

Какие же институции имеются в виду и над какими нациями они должны стоять? Сошлетесь на Комиссию ЕС или Европейский парламент? Но неужели не ясно, что ни один член ЕС не поступился ни йотой своего национального суверенитета в мировом миропорядке! Внутри Сообщества они сделали взаимные уступки, но ... попробуйте, скажем, ваши дела с Францией решить в Брюсселе, а не в Париже. Выйдет это лишь в том случае, если в Париже того пожелают, если французов к этому подтолкнет «эгоистично понимаемый и толкуемый национальный вопрос». Европейские сообщества созданы не для того, чтобы его участники поступались своими интересами, а для обеспечения своей коллективной выгоды в отношениях с аутсайдерами. А если «институция» (вроде СЭВ) перед собой таких «эгоистично понимаемых» задач не ставит, то она разваливается.

Упомянутая выше теоретическая статья В.С. Верещетина «Общее правовое поле современного мира»* очень насыщена библиографически, там много ссылок на мнения наших и зарубежных ученых. Она позволяет проследить то направление, в котором движется сегодня международное право. Есть, например, там раздел о том, что якобы имеет место «отход от чисто этатического характера международного права» «к наделению индивида определенными качествами международной правосубъектности»⁴. Ну что ж, уважаемые юристы, нам предлагается начать дискуссию, в которой нет предмета: ведь в международном (правда, частном) праве индивид и так наделен правосубъектностью. А если вовлечь его в этом качестве в международное публичное право, то это значит покончить с этим правом вообще.

Удивляет наше неумение делать выводы из собственных ошибок. Сколько чернил было израсходовано и эмоций проявлено в

* См. сноски 2 и 3 в конце статьи.

защиту прав того же советского человека! Чем кончилось все это к сегодняшнему дню — хорошо известно. Рухнули эти права так, что о них уже и говорить не приходится. Где основное право человека на жизнь? Где право на достойную жизнь? Где право на свободу от голода, на защиту от насилия, на свободное перемещение, на крышу над головой? Где право не быть беженцем в собственной стране? Даже право на выражение мыслей и убеждений и то монополизировано: шанс выразить себя есть у того, кто или крайне «правый», или крайне «левый»; или ты за президента, или Бог знает за кого. Исчезло даже такое основное право, как право на труд; сегодня безработица — явление официальное. Причитать по поводу тягот, выпавших на долю простого человека, можно бесконечно. Вывод же следует сделать один: положение дел с правами человека ухудшилось катастрофически! А ведь немалая когорта чиновников да и ученых процветала на разработке и внедрении в нашей стране «третьей корзины» СБСЕ. Спросить бы их: ну как — довольны? Скажете, что, мол, не доросло наше общество до того, чтобы воспринять «их» стандарты прав человека, да и не те социально-политические условия сложились? А разве это было не ясно, разве для кого-то секрет, что государства находятся на разных уровнях своего общественно-исторического развития? И то, что хорошо для США, совсем не подходит для, например, Саудовской Аравии, в которой женщина не имеет права сесть за руль автомобиля. А плохо это или хорошо, что женщина лишена права вождения автомобиля? Абстрактно-теоретически — это плохо, а для Саудовской Аравии — хорошо. Или другой пример: для Ливии «сухой закон» хорош, а для США и России — не подходит; для Запада сексуальные свободы — хорошо (гомосеки США даже получают право найма в армию), для арабов это совсем плохо, а для нас — сами пока не пойдем.

Примеры подобного рода можно множить, но фактом остается то, что Россия — это совокупность и тех, кто обожает западные ценности, и тех, кто привержен русским традициям, и тех, кто вдохновляется положениями Корана. Поэтому попытка максимально удовлетворить интересы первой группы и внедрить во все советское общество западные стандарты прав человека была обречена уже изначально, остается обреченной и будет обреченной в осязаемом будущем.

Кстати, когда в середине 70-х годов в преддверии церемонии подписания «исторических» документов в Хельсинки советская сторона дала общее «добро» по «третьей корзине», то тогда был хотя бы приведен аргумент: мы уступаем по правам человека, но получаем гарантированную нерушимость границ и долгожданное спокойствие в «европейском доме». Конечно, аргумент этот был

липовым, ибо еще с Венского конгресса 1815 года известно, что никаким сговором на высшем уровне не законсервировать надолго угодный этому «верху» порядок³.

Можно, конечно, стегать «дохлую лошадь» в расчете, что она поднимется, но занятие это бесполезное. Лучше, разумеется, все-таки взглянуть трезво на ту ситуацию, которая сейчас в Европе есть, и понять, что гораздо бóльшую ценность для борющихся народов в Закавказье, Таджикистане, Приднестровье или в районах бывшей Югославии имеют не нравоучения СБСЕ, а хорошо известные нам принципы и нормы международного публичного права. Ведь если мы не хотим самих себя обмануть, то должны признать, что СБСЕ, как и ЕС с НАТО, МВФ, МБРР, заседания «семерки» и даже ООН в нынешнем виде — это инструменты обеспечения интересов западных стран на мировой арене, а руководящим чиновникам в этих органах абсолютно все равно, где и сколько людей убьют друг друга или где они умрут с голода, если только это не затрагивает интересы ведущих капиталистических государств. И именно в силу этого дела на нашей планете не только не улучшаются, но год от года становятся все хуже.

Обстановка в целом принимает прискорбный оборот. Внешне мы видим попытки международных органов как-то повлиять на процессы, происходящие в мире. С 1948 по 1994 год проведено по линии ООН 34 операции по поддержанию мира. Но результат этих попыток в конце концов оказался нулевой. Мир как-то поддерживался, и это хорошо, но не искоренялись причины, вызывающие международные конфликты. В силу этого мощь конфликтов и их регулярность нарастали. По сути, мы уже вступили в предполье большой новой войны. Ее начало связано с разгромом содружества социалистических государств и самого Советского Союза. И совсем не важно, что не были слышны выстрелы. Проблемы прав человека, усилия специальных служб оказались мощнее тысяч ракет. Они лишили ряд государств тех защитных функций, которые позволяют сохранять государственность. Получилось так, что вместо этого содружества сформировалась гигантская зона социально-политической нестабильности. И если раньше содружество объективно обеспечивало баланс сил и являлось, хотя бы из-за этого, фактором мира, то сейчас его роль диаметрально противоположна, поскольку как вооружения, так и ноу-хау и специалисты из этого региона могут переместиться в другие страны.

Десятилетиями мы клеймили США и блок НАТО в качестве агрессивной силы. Мы — это значит и пишущий эти строки, и те, кто их читает. Мы приводили бесчисленные аргументы в пользу этого. А теперь давайте сами себя спросим: мы что — лгали? Ну, конечно же, нет! Но если мы не лгали самим себе и другим, то давайте зададимся

еще одним вопросом: когда США перестали быть агрессивной силой? С каких пор мы стали вдруг готовы вручить им судьбу мира, дать возможность Бушу, Клинтону и иже с ними создать свой «новый порядок»? А какой это будет порядок? Пакс Американа? А чем он лучше «нового порядка» Гитлера — Пакс Германия? Скажете: этот — демократ, а тот — фашист. Но для нас-то, как и для других народов (государств) мира, что тот, что другой — чужой. Мы можем, конечно, в душевном экстазе послать авторов нового «мирового порядка» подальше, но ведь они не пойдут. Задача уже поставлена, и ее реализация начата. «Миротворческие» усилия, как и соглашения по СНГ, — дымовая завеса для маскировки инициаторов мирового беспорядка. А единственный путь ко всеобщему беспорядку — отбросить в сторону сложившийся в этом столетии правопорядок. Да, этот правопорядок несовершенен, он создавался немногими «цивилизованными» государствами в целях обеспечения прежде всего своих интересов. Но другого-то нет! Закон плох, но это закон, и пока нет иного — надо его соблюдать.

Нам говорят: в мире стало безопаснее, поскольку сокращается количество атомных боеголовок. Но так ли это? Что делала бы советская (сталинская) дипломатия в нынешних условиях? Она бы сказала, что не надо обманывать народы мира. Речь-то идет о закреплении монополии узкой группы государств на владение ядерным оружием. Она бы потребовала полной, безусловной и окончательной ликвидации оружия массового уничтожения. Представьте себе, что было бы, если бы в 1925 году Женевским протоколом химическое оружие было бы не запрещено в равной степени для всех, а было бы сознательно оставлено в руках группы европейских государств для дальнейшего использования. В ходе второй мировой войны они бы вытравили не только друг друга, но заодно и Швецию со Швейцарией.

Позиция советской стороны в вопросе любых видов страшных современных вооружений всегда состояла в одном-единственном — они должны быть запрещены. Россия же сделала зигзаг в сторону Запада: хоть какое-то количество ядерного оружия избранная группа государств иметь должна.

Но тогда не понятно: почему не может обладать ядерными боеголовками Украина, если они уже есть на ее территории? И почему могут себе это позволить Великобритания и Франция? И почему вообще любое государство не может позволить себе этого? А, это не нравится избранным господам? Но почему другие должны делать только то, что этим господам нравится? Или это и есть «новый мировой порядок»?

К сожалению, судя по всему, так оно и есть. Этот «порядок» думает закрепить Запад. Ему он выгоден прежде всего экономичес-

ки. Это все лежит на поверхности, и об этом — о том, что США и их союзники грабят остальной мир, — мы тоже говорили и писали десятилетиями. Или опять-таки лгали? Нет, и сейчас мы видим, как грабят уже нашу страну, как за бесценок уходят на Запад ее национальные богатства, как неукоснительно выполняются обязательства перед Западом по поставкам туда энергоресурсов. Свой автотранспорт может стоять, заводы стран СНГ могут работать с перебоями, но... обязательства перед Западом — священные! Ну а себя мы — международники — можем тешить тем, что нам отпущены «общечеловеческие ценности», обещают финансовую помощь, «общее экономическое и правовое пространство», покупку Сибири и пр. и пр. И еще нам предлагают дискуссии по темам весьма отвлеченным, очень далеким от реальностей современного мира. Так что, может быть, и в самом деле сделаем вид, что ничего необычного, а тем более тревожного не происходит? Будем призывать других (но не США) добровольно ограничить свой суверенитет, выступим в пользу создания наднациональных органов, защитим право на господство членов ядерного клуба. И уж совсем хорошо для теоретиков международного права засесть за составление в рамках ОБСЕ кодекса поведения государств: годами можно будет где-нибудь в Хельсинки надувать щеки за «важной» работой, игнорируя тот простой факт, что Устав ООН уже пятьдесят лет назад все это предусмотрел.

Даже если мы так и поступим, объективные процессы мирового общественного развития нам задержать не удастся. А они, на мой взгляд, таковы.

На сегодня США действительно стали единственной сверхдержавой. Западная Европа и Япония в силу того, что экономически им это выгодно, да и пока не видят иных путей, соучаствуют в сохранении этого положения. Конечно, противоречия между этими сообщниками были и будут, но сейчас нельзя нарушить статус-кво. Сейчас основное противоречие — между этим малочисленным меньшинством и остальным так или иначе обездоленным человечеством, которое ни за что не согласится с Пакс Американа. Сражающийся Ирак — это первый открытый вызов гегемонии Запада. Но вызов этот ошибочный, поскольку Ирак просто симитировал линию поведения США, решив, что если те действуют агрессивно в мировом масштабе, то почему бы и ему не сделать то же в своем регионе.

Первый вызов кончился неудачно, но он создал предпосылки для контрнаступления. Ирак сейчас уже выступает не в роли агрессора, он превратился в жертву такового. Другие страны, в том числе Россия, в силу все более осознанного несогласия с господством в мире США и их западных партнеров будут постепенно, но уже

весьма скоро переходить на антизападные позиции. Оружие массового поражения, к сожалению, будет все более распространяться в мире. С этим ничего не поделаешь, если не поставить вопрос о лишении прав обладания оружием, как и вообще любым новым оружием (!) всех без исключения стран мира. Средства его доставки станут уже скоро доступны многим. И не так уж много для этого надо — дизельные подлодки с ракетами среднего радиуса действия плюс спецвойска по типу тех, которые американцы успешно использовали в войне против Ирака. А главное — и будем это иметь в виду — в мире слишком много тех, кому диктат США будет становиться поперек горла, тех, кто знает, что после разрушения СССР настанет их очередь подчиниться. Здесь мы видим весь мусульманский мир, славян, китайцев, индийцев, народы Африки и Латинской Америки. Все они — наши потенциальные союзники. Но главное в том, что США сами своим поведением будут неизбежно провоцировать антиамериканизм, общую враждебность к Западу, сплачивание соответствующих сил. Подчеркнем еще раз и особенно: большинство человечества никогда не соглашалось и не согласится на мировое господство отдельной страны или группы государств. Думать иначе, а тем более выступать в роли адвоката за такую возможность означает брать на себя большую ответственность, вести дело к тому, чтобы, как это предсказано Нострадамусом, в период с 1994 по 1999 год разразилась третья мировая война. Нужно ли нам пытаться убедиться на практике в правильности этого предсказания? Ведь большинство предсказаний Нострадамуса, кстати, в других случаях (буржуазная революция во Франции, вторая мировая война и др.) подтвердились.

Несколько успокаивает то, что законодатели США, передовая общественность страны, похоже, это видят, понимают и начинают борьбу с этим. Пока в бюджетной сфере, но дело неизбежно пойдет и далее.

Итак, сделаем вывод: если нынешнее положение в мире не станет более справедливым, если утвердится «новый американский порядок» — быть большой беде. Но так ли уж она неизбежна, ну жели воля Господня, предсказанная Нострадамусом еще в XVI веке, не может нас миновать? Может, если хотя бы передовая часть человечества попытается изменить неблагоприятный ход событий. И в этом деле нельзя не видеть большой роли, которую может сыграть международное право. Необходимо сделать все, чтобы предотвратить его нынешнее постепенное превращение во внутреннее право Запада. Международное право, как это имело место и в предшествующие века, не должно обслуживать интересы только небольшой группы так называемых «цивилизованных» государств. Его основные принципы могут и должны на этом этапе

развития человечества остаться неизменными. Нет и не может быть каких бы то ни было обстоятельств, которые позволили бы нарушить суверенное равенство государств. Да в контексте правовых отношений никто и не сможет добиться согласия мирового сообщества с этим. Опасность в том, что юридическая наука своими «новыми» доктринами может дать основания четвертой власти (средствам массовой информации) повести мощное наступление на общественное сознание в пользу изменения указанного и иных принципов международного права де-факто.

Изменения подобного рода, и не только в отношении принципа суверенного равенства, и так имеют место, но участие в этом неблагородном деле юристов позволяет всему этому придать видимость легальности. О том, что нашими устами и пером, по сути, блокируется ликвидация, полная и окончательная, оружия массового уничтожения, уже говорилось. Прошло пятьдесят лет с момента появления атомного оружия, но сейчас даже говорить перестали о его ликвидации. Все сводится только к нераспространению. При этом нам сообщают, что кроме уже известных держателей ядерного оружия оно появилось, видимо, еще в двенадцати государствах. Да еще Казахстан и Украина получили его в силу преемства. Итого, имеется уже девятнадцать ядерных государств. Будем и дальше закливать о нераспространении? Из этого ничего не выйдет. Нужен всеобщий договор, который враз лишит все государства этого оружия на определенных условиях. Только под эту поистине великую идею можно поднять народы. А все остальное — забавы дипломатов или игра со спичками в пороховом погребе третьей мировой войны.

Вывод из всего изложенного представляется таким. Международное право, созданное за предшествующие века трудом наших предков, есть. Оно в состоянии исполнить стоящие перед ним задачи, но право — это всего лишь совокупность принципов и норм. И даже трижды разумные, они не спасут и не облегчат жизнь человека. Они — инструмент. Но в чьих он руках? Понимают ли люди, в чьих руках этот инструмент, как с ним обращаться? Или они по незнанию, а может, и по злomu умыслу откладывают его в сторону и ищут другой, им более понятный и удобный. Боюсь, что именно это и происходит. Может быть, и хотим наивысшей эффективности права и потому соглашаемся на применение «быстрой» силы, когда следует прибегнуть к медленному согласованию воли государств. Возможно, думаем, что подчинение всех воле одного центра избавит мир от горя и потрясений. Но забываем при этом опыт истории: ведь субъективно римляне, как и нацисты, считали, что именно их правопорядок осчастливит человечество. Не осчастливил. Нельзя с помощью меча сделать людей счастливыми. Так,

значит, не оправдывать его применение должен современный юрист, а осудить всей мощью своего разума. Международное право предусматривает надежные и эффективные способы обеспечения мира, безопасности и возможного процветания народов. Нет никаких оснований для его ревизии и «дополнений». Но есть необходимость коллективно разобраться, почему его основные принципы и нормы оказались преданы забвению, почему положение в мире — по сравнению с той же серединой 70-х годов — резко ухудшилось, поискать выходы из создавшегося положения, создавать механизмы обеспечения международного правопорядка. По сути своей страшна легализация роли США и их союзников в качестве мировых жандармов. Ведь именно там ведутся сейчас разработки фантастических электронных вооружений, предназначенных исключительно для закрепления мирового господства США. Казалось бы, одержав верх в различных горячих и холодных войнах, США могли бы поостыть, взять на себя более благородную роль устроителя мира. Здесь бы им сгодились практически все общепризнанные (и нам известные) нормы международного права, но... избран другой путь, ведущий в мировой беспредел. Грибовидный взрыв, чудовищный по своей силе, будет в этом случае неизбежен. Учинить его могут и не американцы, но вряд ли от этого будет легче.

В любом случае не грех задуматься: в условиях, когда тебе каждый день радио, телевидение и газеты приносят плохие новости, как внутренние, так и международные, — это предтеча царства небесного или ада? А задумавшись, найдем и свое место в происходящих мировых процессах: двигать их неизменно и дальше или попытаться изменить?

¹ Вестник Межпарламентской ассамблеи.—1995.—№ 2.—С. 19.

² Советский журнал международного права.—1991.—№ 3—4. — С. 5—6.

³ Там же.—С. 7.

⁴ Там же.—С. 8—9.

⁵ В 1830 году, то есть через 15 лет, июньская революция во Франции свергла монархию Бурбонов.

Статья получена редакцией в декабре 1995 года.